

Психологические особенности самоотношения взрослых, выросших в семьях, отягощенных родительским алкоголизмом

М. А. Шукина^{1а}, А. А. Белов²

¹ Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова, Российская Федерация, 197341, Санкт-Петербург, ул. Аккуратова, 2

² Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В. О., 13

Для цитирования: Шукина М. А., Белов А. А. Психологические особенности самоотношения взрослых, выросших в семьях, отягощенных родительским алкоголизмом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 4. С. 713–730. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.409>

Исследования взрослых, выросших в семьях с родительским алкоголизмом, широко представлены в зарубежной литературе, но вопрос о психологической специфичности этой группы людей остается дискуссионным. В отечественных исследованиях, несмотря на острую социальную проблему широкой распространенности употребления алкоголя, уделяется недостаточно внимания данной группе. Особого внимания требует изучение самоотношения и самооценности взрослых, выросших в дисфункциональных семьях. Респонденты ($N = 170$) распределялись по подвыборкам с помощью скрининг-теста для взрослых детей алкоголиков CAST (адаптация А. И. Тащёвой и С. В. Гридневой). Группу из семей с родительским алкоголизмом составили 89 человек (52,4%, 33 женщины, средний возраст $23,44 \pm 5,53$ года), группу сравнения — 81 человек (47,6%, 26 женщин, средний возраст $24,75 \pm 7,46$ года). Для сбора информации о семейной ситуации в детстве использовался Биографический опросник для диагностики нарушений поведения. Изучение самооценности и самоотношения проводилось с помощью Теста-опросника самоотношения (С. Р. Пантеев и В. В. Столин), Шкалы базисных убеждений (М. А. Падун и А. В. Котельникова) и опросника «Сочувствие к себе» (К. Нефф, адаптация К. А. Чистопольской и соавторов). Выявлены дезадаптивные черты самоотношения и самооценности у взрослых, выросших с родителями-алкоголиками. Более выраженное переживание влияния семейной ситуации в детстве характерно для группы респондентов 18–25 лет. Регрессионный анализ позволил показать, что неосуждение собственных недостатков и несовершенств, склонность воспринимать трудности и неудачи как неотъемлемый и обыденный аспект человеческого существования позволяют переживать ценность собственного Я, несмотря на дисфункциональную семейную ситуацию в детстве. Результаты сопоставлены с предыдущими исследованиями и могут быть полезны в психокоррекционной работе со взрослыми из семей с алкоголизмом. Ограничения включают неравномерное соотношение респондентов по полу, преобладание ранней взрослости, формирование выборки через социальные сети и отсутствие подробных социодемографических данных.

Ключевые слова: взрослые дети алкоголиков, ценность Я, самоотношение, созависимость, базовые убеждения, сочувствие к себе.

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Введение

Для группы людей, выросших в деструктивных семьях с родительским алкоголизмом, в англоязычной литературе применяется обозначение «Adult Children of Alcoholics», или АСoА (Woititz, 1983), переводимое в русскоязычных работах как «взрослые дети алкоголиков», или ВДА. Ведение статистики количества взрослых, выросших в таких семьях, в нашей стране затруднительно: исследователи приводят данные о том, что количество лиц, выросших в семьях, отягощенных алкогольной зависимостью, составляет от 25 до 50 % населения России (Литвинова, 2017; Давыдова, Распопин, 2021; Мясникова, 2023). Оговаривается, что эти цифры получены путем экстраполяции общемировой статистики на Российскую Федерацию.

Возникновение термина «взрослые дети алкоголиков» связано с ростом популярности в 1970-х гг. групп самопомощи для людей, зависимых от алкоголя (Alcoholics Anonymous), а также анонимных групп самоподдержки для тех, кто страдает от алкоголизма своих близких (Al-Anon). Одной из таких групп ее участники дали название «Надежда взрослых детей алкоголиков» (Hope of Adult Children of Alcoholics) (ACA World Service Organization, 1992).

Отметим, что термин «взрослые дети», в частности, ВДА, интересен тем, что он впервые введен в употребление не специалистами в области психологии, социальной работы или медицины, а самими участниками групп самопомощи, ими же была дана и трактовка его содержания. Так, сайт русскоязычного комитета групп самопомощи ВДА предлагает следующее описание этого понятия: «...термин “взрослый ребенок” означает, что во взрослой жизни мы ощущаем страх и неуверенность, вынесенные из детства. Внешне мы можем выглядеть уверенно, некоторые из нас успешно построили карьеру или завели семью. Но на самом деле мы сомневаемся в собственной ценности. Термин “взрослый ребенок” не означает, что мы живем прошлым или склонны к инфантильному поведению и образу мыслей. Это означает, что мы реагируем на взрослую жизнь, используя навыки из детства»¹.

Объем психологических затруднений, самодиагностируемых взрослыми детьми алкоголиков, чрезвычайно широк, и с этим связан скептический взгляд некоторых психологов на специфичность этой группы людей. Вне зависимости от того, считают ли сами ВДА эти списки репрезентативными, они не основаны на результатах объективного исследования и не могут применяться для диагностики, поскольку не лишены методологических недостатков: так, Р.Зеефельдт (R. Seefeldt) и М. Лион (M. Lyon) отмечают, что приведенный перечень характеристик не позволяет отличить ВДА от других диагностических групп и может являться примером эффекта Барнума, представляющего собой тенденцию интерпретировать описание, подходящее ко всем людям, как специфическое для определенной группы или индивида (Seefeldt, Lyon, 1992).

Ранние работы, посвященные исследованию ВДА, проведенные в 1980–1990-х гг. побуждают скорее к скептическому взгляду на специфичность личностных характеристик этой группы людей. Так, исследования, проведенные А. Альтерманом (A. Alterman) и коллегами (Alterman et al., 1989), Р.Зеефельдтом и Лионом (Seefeldt, Lyon, 1992) и Г.Фишером (G. Fisher) и коллегами (Fisher et al., 1993), не

¹ Русскоязычный комитет обслуживания ВДА. URL: <https://adultchildren.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

выявили существенных различий между группами ВДА и не-ВДА. Р. Зеефельдт и Г. Фишер делают вывод, что следует пересмотреть наличие группы ВДА как объекта исследования или даже отказаться от нее вовсе.

В других работах западных исследователей, напротив, подчеркивалось различие групп ВДА и не-ВДА по показателям жизнестойкости, стрессоустойчивости и поведения в социуме (Hall, Webster, 2002; Zucker et al., 2003).

Несмотря на дискуссионность понятия «ВДА», исследования этого феномена в отечественной и зарубежной психологии продолжают. Большую работу по изучению свойств личности как детей, растущих в дисфункциональных, в частности алкогольных, семьях, так и взрослых, вышедших из таких семей, провела В. Д. Москаленко. Она описала такие трудности ВДА, как созависимость, повышенный риск зависимости от психоактивных веществ и других форм зависимости (передачи, азартных игр, чрезмерных физических упражнений). Отмечается повышенная подверженность ВДА психосоматическим заболеваниям и высокий уровень виктимности (Москаленко, 2006). Приведен перечень негативных представлений ребенка из алкогольной семьи о себе, приводящий к развитию низкой самооценки во взрослом возрасте, выделены четыре дисфункциональных убеждения (по терминологии В. Д. Москаленко, родительские «ядовитые послания»), которые характеризуют ВДА: «Я ничего не могу сделать как следует; я не могу правильно думать; я никому не могу доверять, кроме как самому себе; я не должен что-либо чувствовать или выражать свои чувства» (Москаленко, 2008). Фактором, влияющим на свойства личности ВДА, является та или иная роль выживания, которой следует ребенок в дисфункциональной семье. В. Д. Москаленко приводит и характеризует следующие роли выживания: «герой семьи», чья ролевая стратегия поведения выстраивается на том, что ребенок усваивает, что «правильное» поведение улучшает обстановку в семье, и наоборот; «козел отпущения» — ребенок прилагает множество усилий, чтобы завоевать внимание и уважение родителей, однако эти усилия не дают результата; «потерянный ребенок», ограничивающий контакт с членами семьи и окружающими, предпочитающий уединение, и «талисман», характеризующейся демонстрацией экспрессивного, позитивно окрашенного поведения, с тем чтобы разрядить напряженную атмосферу в семье (Москаленко, 2014; Москаленко, 2015). Западные исследователи добавляют к этой классификации роль «железного ребенка» (iron child), отличающуюся наибольшей психологической устойчивостью (Margasiński, 2017). Отмечается, что для детей в этих семьях характерно сочетание, с одной стороны, жертвенной позиции, с другой стороны, роли молодых опекунов своих родителей (Silvén Hagström, Forinder, 2022). Выделены факторы формирования высокого уровня жизнестойкости взрослых людей, выросших с родителями-алкоголиками: самопринятие (Hebbani et al., 2020), принятие реальности (Hee Kyung, 2023), осознание важности заботы о себе, прощение родителей (Simonić, Osewska, 2023).

Другим предметом интереса отечественных психологов является влияние воспитания в дисфункциональной семье с родительским алкоголизмом на ценности и смыслы, присутствующие в картине мира взрослых людей. Отмечается, что картина мира взрослых, выросших в таких семьях, значительно связана с опытом взросления в неблагополучной семье. Так, ценности, связанные с достижением успеха, развитием способностей, надежностью, зрелостью, социальностью и кон-

формизмом, связаны у ВДА с чувством неуверенности в себе, тревожностью, личностным неблагополучием (Солнцева, 2005).

Значительный пласт исследований взрослых, воспитывавшихся родителями-алкоголиками, связан с изучением клинико-психологических и суицидологических особенностей этой категории людей. Показано, что у ВДА чаще, чем в целом по популяции, развивается антисоциальное и пограничное расстройство личности (Литвинова, 2017). Обнаружен высокий виктимный потенциал ВДА (Меринов, Мещенцева, 2016). ВДА чаще сталкиваются с зависимостью от алкоголя и других психоактивных веществ, чем взрослые, выросшие в функциональных семьях (Нечин, 2016; Ящечкина, 2017; Ossola et al., 2021). В исследовании, проведенном с участием 28 047 респондентов, уточняется, что связь воспитания родителями-алкоголиками с зависимостью от алкоголя во взрослом возрасте хотя и присутствует, но очень слаба (Haugland et al., 2021). С суицидологической точки зрения выявлен более высокий риск аутоагрессии среди ВДА, чем среди не-ВДА (Байкова, Меринов, 2020), исследователи отмечают необходимость серьезного отношения к ВДА как к диагностической группе (Меринов и др., 2015).

Таким образом, прослеживается более чем сорокалетний путь в изучении ВДА, включающий в себя самозарождение и самоопределение этой группы людей, скептические выводы исследователей о существовании ВДА как социальной категории и, наконец, их психологические и клинико-психологические исследования, продемонстрировавшие необходимость пристального внимания психологов и врачей к ВДА. Произведенный анализ психологической литературы показал, что можно выделить три взгляда на понятие ВДА. Первый из них основан на представлении ВДА о себе самих, является феноменологическим и рассматривается участниками групп самопомощи без критики. Другая точка зрения представлена скептически настроенными исследователями, предлагающими отказаться от понятия ВДА как диагностической категории. Наконец, третий подход не ставит под сомнение существование категории ВДА, предполагая, что воспитание детей в дисфункциональных семьях с родительским алкоголизмом может иметь схожие черты и схожим образом влиять на психологические особенности людей, выросших в таких семьях, однако признает необходимость эмпирического уточнения данных особенностей. Между тем, как отмечают А. Б. Давыдова и В. В. Распопин, отечественные работы, посвященные исследованиям психологических особенностей ВДА, носят скорее феноменологический характер, основанный на опыте психокоррекционной и психотерапевтической работы (Давыдова, Распопин, 2021). Так, выделяется серия работ, посвященная практическим аспектам и методическим рекомендациям для групповой работы с ВДА по темам «самоуважение», «отрицание», «любящий родитель», «чувство собственного достоинства» (Кузнецова, 2017; Кузнецова, 2018). Феноменологический подход к изучению ВДА хорошо иллюстрирует следующая цитата: «...истинным критерием отнесения личности к категории людей “взрослые дети алкоголиков” является глубина страдания человека от пережитого опыта и субъективная констатация факта принадлежности к этой категории, которая является с помощью специального теста» (Гриднева, Тащёва, 2018).

На сегодняшний день работы С. В. Гридневой и А. И. Тащёвой, а также А. Б. Давыдовой и В. В. Распопина являются одними из немногих отечественных исследований за последнее десятилетие, эмпирически, с помощью психодиагностических методик,

выявляющих психологические особенности личности ВДА (Гриднева, Тащёва, 2018; Давыдова, Распопин, 2021). Исследование особенностей личности ВДА приобретает актуальность в силу противоречивости результатов существующих работ, а также недостатка отечественных эмпирических исследований в данной области.

Целью исследования является выявление особенностей системы самоотношения личности у взрослых людей, выросших в семьях, где родители злоупотребляли алкоголем.

Гипотезы исследования:

1. Взрослые, выросшие в семьях, отягощенных родительским алкоголизмом, имеют более негативный характер самоотношения по сравнению с теми, кто воспитывался в семьях, не характеризующихся алкоголизацией родителей.

2. Параметры самоотношения личности ВДА специфичны в разных возрастных группах (младше и старше 25 лет).

3. Психологические предикторы убеждения о ценности собственной личности у ВДА обладают специфичностью для взрослых из семей с низкой и высокой степенью вовлеченности в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве.

Методы

В исследовании приняли участие 170 респондентов (59 женщин, 111 мужчин) 18–45 лет (средний возраст $24,1 \pm 6,53$ года). Исследование проводилось с помощью сервиса Google Forms на условиях информированного согласия и конфиденциальности. Респонденты приглашались к участию через объявления в социальных сетях.

Распределение респондентов по подвыборкам ВДА и не-ВДА осуществлялось с помощью скрининг-теста для взрослых детей алкоголиков CAST в адаптации А. И. Тащёвой и С. В. Гридневой (Тащёва, Гриднева, 2014), где, по рекомендациям авторов русскоязычной адаптации теста, набравшие 0–3 балла считаются группой сравнения, более 3 баллов — группой созависимых. Группу ВДА составили 89 респондентов (52,4%, 33 женщины, средний возраст $23,44 \pm 5,53$ года), группу сравнения (не-ВДА) — 81 респондент (47,6%, 26 женщин, средний возраст $24,75 \pm 7,46$ года).

Исследование уровня самоотношения проводилось с помощью теста-опросника самоотношения (Пантилеев, Столин, 1988). Для сбора информации о поведенческих особенностях, семейной ситуации и поведении в социуме использовался Биографический опросник для диагностики нарушений поведения (Чикер, 2006). Изучение базисных убеждений личности проводилось с помощью опросника «Шкала базисных убеждений» в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой (Падун, Котельникова, 2012). Самоотношение личности в ситуации неудач исследовалось с помощью опросника К. Нефф «Сочувствие к себе» в адаптации К. А. Чистопольской и соавторов (Чистопольская и др., 2020). Сравнение групп ВДА и не-ВДА по показателям методик проведено с помощью критерия U Манна — Уитни.

Распределение респондентов по возрастным группам проводилось согласно периодизации В. В. Селиванова: 18–25 лет — стадия личностной субъектности, 26–45 лет — стадия полноценной субъектности (Селиванов, 2018).

Уровень вовлеченности ВДА в дисфункциональную семейную ситуацию определялся с помощью двухэтапного кластерного анализа (шкала «Созависимость»

опросника CAST). Были выделены группы с низким (средний балл $7,29 \pm 2,65$), средним ($15,15 \pm 2,24$) и высоким ($23,44 \pm 2,12$) уровнями вовлеченности.

Для выявления предикторов убеждения о ценности собственной личности ВДА был проведен регрессионный анализ методом пошагового отбора. Зависимой переменной выступил показатель «Образ Я», независимые переменные представлены шкалой «Глобальная самооценка (S)» теста-опросника самоотношения, шкалами методики «Сочувствие к себе» и «Биографического опросника (BIV)»

Статистическая обработка данных осуществлялась в программе SPSS Statistics 27.0.

Результаты

Произведенный на собранных данных статистический анализ для проверки первой гипотезы позволил охарактеризовать выраженность измеряемых параметров в сравниваемых группах участников исследования. Согласно эмпирическим данным, по Тесту-опроснику самоотношения (табл. 1) статистически значимые различия между группами ВДА и не-ВДА обнаруживаются по шкале глобальной самооценки ($U = 2964,00$; $p = 0,045$), шкале самоуважения ($U = 2832,50$; $p = 0,016$), шкалам ожидаемого отношения от других ($U = 2930,50$; $p = 0,034$ и $U = 2984,50$; $p = 0,047$), шкале саморуководства ($U = 2496,50$; $p \leq 0,001$) и шкале самоинтереса ($U = 2945,50$; $p = 0,036$). У подгруппы ВДА наблюдаются более низкие показатели по указанным переменным, чем в группе сравнения. В то же время по остальным шкалам опросника статистически значимых различий не выявлено. В целом средние значения в группе сравнения превышают средние значения в группе ВДА по всем показателям, кроме шкалы самообвинения, что указывает на заниженный уровень самоотношения у взрослых, имеющих опыт воспитания родителями-алкоголиками.

Различия между группами ВДА и не-ВДА по опроснику «Сочувствие к себе» (табл. 2) не достигают уровня статистической значимости, но позволяют говорить о более выраженной критичности и тенденции к более высокому уровню самоизоляции в группе ВДА.

Результаты методики «Шкала базисных убеждений» (табл. 3) свидетельствуют о склонности ВДА воспринимать мир как менее доброжелательный, чем респонденты группы сравнения (шкала «Доброжелательность окружающего мира»; $U = 2782,00$; $p = 0,034$). Статистически значимое различие между ВДА и не-ВДА обнаруживается по шкале «Удача» ($U = 2953,00$; $p = 0,041$): ВДА воспринимают себя как менее везучих в сравнении с другими, а также видят окружающий мир менее благосклонным к себе, чем к другим людям.

Данные биографического опросника для диагностики нарушений поведения (табл. 4) выявляют статистически значимые различия по шкалам FAM: ВДА отличаются более негативным субъективным описанием семейной ситуации в детстве и юности, трудностями во взаимодействии с родителями ($U = 2810,50$; $p \leq 0,001$); SOLZAG (ВДА склонны испытывать напряжение в личных и социальных ситуациях; $U = 2959,00$; $p = 0,042$) и ERZIEH (выраженное негативное воздействие воспитания родителей; $U = 2959,00$; $p = 0,033$). Более высокие средние значения по этим показателям у ВДА свидетельствуют о негативном родительском влиянии в целом, а также о трудностях в социальной адаптации в детском возрасте.

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа подвыборок ВДА и не-ВДА
(Тест-опросник самооотношения)

Показатели	Группа ВДА		Группа не-ВДА		U Манна — Уитни	Асимптотическая значимость (двухсторонняя)
	ср. ар.	ст. откл.	ср. ар.	ст. откл.		
Глобальная самооценка (S)	13,34	5,29	17,76	4,02	2964,00	0,045
Шкала самоуважения (I)	7,44	3,22	10,32	2,90	2832,50	0,016
Шкала аутосимпатии (II)	7,47	3,26	9,8	2,66	3258,00	0,278
Шкала ожидаемого отношения от других (III)	8,50	2,64	9,92	1,66	2930,50	0,034
Шкала самоинтереса (IV)	5,68	1,86	6,2	1,63	3203,50	0,204
Шкала самоуверенности (1)	3,79	1,78	4,88	1,64	3137,50	0,140
Шкала ожидаемого отношения от других (2)	4,72	1,57	5,76	0,83	2984,50	0,047
Шкала самопринятия (3)	4,34	1,88	5,48	1,87	3024,50	0,067
Шкала саморуководства (4)	3,76	1,27	4,6	0,91	2496,50	0,001
Шкала самообвинения (5)	4,52	1,69	3,88	1,13	3498,50	0,737
Шкала самоинтереса (6)	4,84	1,97	5,76	1,36	2945,50	0,036
Шкала самопонимания (7)	2,74	1,51	3,6	1,19	3185,00	0,182

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа подвыборок ВДА и не-ВДА
(Опросник «Сочувствие к себе»)

Показатели	Группа ВДА		Группа не-ВДА		U Манна — Уитни	Асимптотическая значимость (двухсторонняя)
	ср. ар.	ст. откл.	ср. ар.	ст. откл.		
Доброта к себе	13,34	4,40	16,44	5,32	3227,50	0,238
Самокритика	16,47	4,73	14,84	5,01	3533,00	0,823
Общность с человечеством	11,17	3,60	11,76	4,35	3326,00	0,383
Самоизоляция	12,81	4,38	11,68	4,26	3032,50	0,074
Внимательность	13,33	3,63	13,56	3,54	3393,50	0,509
Чрезмерная идентификация	13,83	3,76	13,6	3,70	3110,00	0,122

Для проверки второй гипотезы были проанализированы различия по показателям методик внутри двух возрастных групп. По возрастной периодизации В. В. Селиванова выделены группы респондентов на разных онтогенетических стадиях: 18–25 лет (ВДА, $N=66$; не-ВДА, $N=56$) и 26–45 лет (ВДА, $N=23$; не-ВДА, $N=25$). Результаты сравнения отражены в табл. 5 (приведены шкалы, по которым имеются значимые различия).

Группа ВДА 18–25 лет имеет более низкие статистически значимые результаты, чем респонденты группы сравнения, по показателям «Саморуководство» ($U=1373,50$; $p=0,012$), «Самоинтерес» ($U=1486,50$; $p=0,059$) и более высокие

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа подвыборок ВДА и не-ВДА (Шкала базисных убеждений)

Показатели	Группа ВДА		Группа не-ВДА		U Манна — Уитни	Асимптотическая значимость (двухсторонняя)
	ср. ар.	ст. откл.	ср. ар.	ст. откл.		
Доброжелательность окружающего мира	31,75	8,55	35	9,69	2782,00	0,01
Справедливость	19,19	4,48	20,04	5,62	3243,50	0,259
Образ Я	25,45	8,55	32,08	6,87	3200,50	0,207
Удача	15,14	3,93	16,52	4,27	2953,00	0,041
Убеждения о контроле	27,07	5,19	27,52	4,27	3296,50	0,336

Таблица 4. Результаты сравнительного анализа подвыборок ВДА и не-ВДА (Биографический опросник для диагностики нарушений поведения)

Показатели	Группа ВДА		Группа не-ВДА		U Манна — Уитни	Асимптотическая значимость (двухсторонняя)
	ср. ар.	ст. откл.	ср. ар.	ст. откл.		
Семейная ситуация (FAM)	7,46	2,21	6,64	2,18	2517,00	0,001
Сила Я (ICHSTK)	4,70	2,81	5,96	2,17	3569,00	0,911
Социальное положение (SOZLAG)	3,55	2,13	2,4	1,91	2959,00	0,042
Стиль воспитания (ERZIEH)	8,15	4,35	8,2	4,54	2923,00	0,033
Нейротизм (N)	4,90	2,79	4,84	2,08	3148,50	0,152
Социальная активность (SOZAKT)	4,84	2,72	3,96	2,67	3373,50	0,468
Психофизическая конституция (PSYKON)	4,46	3,08	4,04	2,67	3097,00	0,111
Экстраверсия (E)	4,20	2,45	5,04	2,42	3449,00	0,625

результаты по показателям «Чрезмерная идентификация» ($U = 1458,00$; $p = 0,044$), FAM (субъективное описание семейной ситуации в детстве и юности, взаимодействие с родителями, отношение семьи к окружающим; $U = 1259,50$; $p = 0,002$), ERZIEH (шкала воспитательного воздействия родителей или замещающих их лиц; $U = 1378,50$; $p = 0,016$) и PSYKON (шкала предрасположенности к соматическим нарушениям, склонности реагировать соматически на стрессовые нагрузки; $U = 1476,00$; $p = 0,055$). Группа ВДА 26–45 лет отличается от группы сравнения по показателям «Ожидаемое отношение от других» ($U = 195,00$; $p = 0,044$), «Самоуправление» ($U = 167,50$; $p = 0,010$), «Образ Я» ($U = 187,50$; $p = 0,039$) и ICHSTK (шкала силы Я, самоуверенности, способности добиться своего; $U = 188,00$; $p = 0,038$). Таким образом, для группы респондентов-ВДА от 18 до 25 лет характерно более выраженное переживание влияния семейной ситуации в детстве, чем для группы старших респондентов — ВДА. Более молодые ВДА имеют менее выраженную меру близости к самим себе (шкала «Самоинтерес»). В стрессовых ситуациях они более

Таблица 5. Результаты сравнительного анализа подвыборок ВДА и не-ВДА в разных возрастных группах

Показатели	ВДА		не-ВДА		U Манна – Уитни	Асимптотическая значимость (двухсторонняя)
	ср. ар.	ст. откл.	ср. ар.	ст. откл.		
Респонденты 18–25 лет						
Шкала саморуководства (5)	3,48	1,30	4,07	1,22	1373,50	0,01
Шкала самоинтереса (7)	4,47	2,01	5,13	1,85	1486,50	0,059
Чрезмерная идентификация	14,65	3,28	13,14	3,94	1458,00	0,044
Семейная ситуация (FAM)	7,97	2,23	6,79	2,06	1259,50	0,002
Стиль воспитания (ERZIEH)	8,82	4,13	7,04	4,11	1378,50	0,016
Психофизическая конституция (PSYKON)	5,06	3,17	3,95	2,87	1476,00	0,05
Респонденты 26–45 лет						
Шкала ожидаемого отношения от других (3)	4,96	1,46	5,76	0,83	195,00	0,044
Шкала саморуководства (5)	3,78	1,13	4,60	0,91	167,50	0,01
Образ Я	27,13	8,02	32,08	6,87	187,50	0,039
Сила Я (ICHSTK)	4,35	2,71	5,96	2,17	188,00	0,038

предрасположены к интенсивной погруженности в переживания (показатель «Чрезмерная идентификация») и проявлению соматических реакций (PSYKON). Для группы ВДА 26–45 лет характерны ожидание негативного отношения к себе со стороны окружающих, более негативный образ Я, ощущение недостаточной самооценности (шкала «образ Я») и неуверенности в себе (ICHSTK). Общим для двух возрастных групп ВДА является более низкий уровень саморуководства в сравнении с не-ВДА.

Для проверки третьей гипотезы исследования с помощью двухэтапного кластерного анализа были сформированы три подгруппы респондентов-ВДА с низкой, средней и высокой степенью вовлеченности в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве (табл. 6). Показатель шкалы «Уровень созависимости» теста CAST представляет собой сумму положительных ответов на вопросы, связанные с различными аспектами вовлеченности в дисфункциональную атмосферу семьи с родительской алкоголизацией. При этом количество полученных респондентами баллов варьировалось от 4 до 28. Это обстоятельство позволило кластеризовать выборку ВДА на подгруппы по степени вовлеченности в неблагоприятную семейную ситуацию.

Для группы с низкой вовлеченностью в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве вовлечение сводится к относительно небольшому набору действий и переживаний (желание вылить или спрятать бутылку спиртного, возмущение пьянством родителя, выполнение обязанностей, обычно закрепленных за родителями, чувство стыда за родителя-алкоголика), в то время как респонденты в группе с высокой вовлеченностью отметили вовлечение в большинство аспектов дисфункциональной семейной ситуации, среди которых участие в драке с родителем,

Таблица 6. Результаты кластеризации группы ВДА по степени вовлеченности в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве

Степень вовлеченности	N	%	Средний балл (шкала созависимости, CAST)	Ст. откл.
Низкая	38	42,7	7,29	2,65
Средняя	33	37,1	15,15	2,24
Высокая	18	20,2	23,44	2,12

попытки предотвратить драку между родителями, избегание дома и побег из него, помощь родителям в отказе от алкоголя, желание родителю смерти или несчастья. Для проверки гипотезы о специфичности психологических предикторов убеждения о собственной ценности ВДА с низкой и высокой вовлеченностью в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве был применен множественный регрессионный анализ методом пошагового отбора. В качестве зависимой переменной был выбран показатель «Образ Я» шкалы базисных убеждений. Данный показатель отражает базисное убеждение личности о собственной ценности, значимости, привлекательности, способности быть интересным и нравиться другим людям. Независимые переменные представлены интегральной шкалой «Глобальная самооценка (S)» Теста-опросника самоотношения, шкалами опросника «Сочувствие к себе» и параметрами «Биографического опросника (BIV)» (табл. 7).

Таблица 7. Предикторы убеждения о ценности собственной личности у ВДА с различным уровнем вовлеченности в дисфункциональную семейную ситуацию

Показатели		Низкая степень вовлеченности			Высокая степень вовлеченности		
R		0,891			0,962		
R ²		0,795			0,925		
Скорректированный R ²		0,777			0,909		
Стандартная ошибка оценки		4,148			2,978		
Регрессия	Сумма квадратов	2263,745			1537,856		
	Ст. св.	3			3		
	Средний квадрат	754,582			512,619		
	F	43,855			57,809		
	p	<0,001			<0,001		
		Предикторы	t	p	Предикторы	t	p
		Глобальная самооценка	5,133	<0,001	Самокритика	-6,345	<0,001
		Общность с человечеством	3,539	0,001	Глобальная самооценка	5,221	<0,001
		ICHSTK (Сила Я)	-2,422	0,021	Чрезмерная идентификация	3,166	0,007

Согласно полученным данным, модель имеет достаточно высокий уровень объяснительной дисперсии (77,7%) для группы ВДА с низкой вовлеченностью и высокий уровень (90,9%) для группы с высокой вовлеченностью в дисфункциональную семейную ситуацию в детстве. Среди ВДА, мало вовлеченных в негативную семейную атмосферу, положительный образ Я встречается у респондентов, характеризующихся высоким уровнем интегральной самооценки, склонных воспринимать трудности и неудачи как неотъемлемый и обыденный аспект человеческого существования. Также для них характерны самоуверенность и умение добиваться своего (показатель «Сила Я» считается по обратной шкале). Среди ВДА, сильно вовлеченных в деструктивную семейную атмосферу в детстве, более выраженное убеждение о ценности своего Я имеют респонденты, не осуждающие собственные недостатки и несовершенства и имеющие высокий уровень глобальной самооценки. Вместе с тем для этих людей положительный образ Я связан с проявлением дезадаптивной стратегии погруженности в переживания в моменты огорчений и неудач, то есть чрезмерное погружение в негативные чувства представляется такими людьми как конструктивный фактор формирования убеждения о самоценности личности.

Обсуждение результатов

В ходе эмпирического исследования обнаружены такие нарушения системы самоотношения ВДА, как сниженный уровень глобальной самооценки, выражающийся в интегральном чувстве скорее против, чем за собственное Я, сниженный уровень самоуважения, что согласуется с данными групповой работы с ВДА, описанными в публикации И. Н. Кузнецовой, где, в частности, автор отмечает, что самоуважение воспринимается ВДА только как абстрактное понятие (Кузнецова, 2017). Ранее, в исследованиях своеобразия личности ВДА, проведенных на мужской (Ташёва, Зелинская, 2006) и женской (Гриднева, Ташёва, 2018) выборках, было показано, что ВДА свойственны затрудненное восприятие отношения к ним других людей и трудности в социальной адаптации. Этот факт подтвердился и в настоящем исследовании на выборке из респондентов обоих полов. Е. Б. Микелевич приводит данные о том, что ВДА испытывают трудности с саморегуляцией и самоконтролем (Микелевич, 2011). Этот аспект нашел подтверждение в нашем исследовании: наиболее выраженным оказалось различие ВДА и не-ВДА по показателю «саморуководство».

Эмпирические данные свидетельствуют и о том, что ВДА имеют сниженный уровень интереса к собственной личности, склонны считать свои мысли и чувства мало заслуживающими внимания, испытывать отстраненность по отношению к самим себе. При этом удалось лишь частично воспроизвести результаты исследования свойств личности ВДА по методике «Тест-опросник самоотношения», полученные А. Б. Давыдовой и В. В. Распопиным: в обеих работах обнаружены значимые отличия между ВДА и не-ВДА по шкалам глобальной самооценки, самоуважения, ожидаемого отношения других и саморуководства (Давыдова, Распопин, 2021). В то же время по другим шкалам опросника имеются расхождения. В отличие от названного исследования, нами не обнаружено наличие значимых различий по шкалам аутосимпатии (II), самоуверенности (1), самопринятия (3) и самообвине-

ния (5), в то же время обнаружены значимые различия по шкалам ожидаемого отношения от других (2) и самоинтереса (6). Расхождения в результатах исследований можно объяснить различием в размере выборок и их составе, а также подходом к разделению выборок на подгруппы ВДА и не-ВДА: так, в исследовании Давыдовой и Распопина была исключена из анализа промежуточная группа респондентов, набравших по тесту CAST от 2 до 5 баллов.

Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий между группой ВДА и группой сравнения по методике «Сочувствие к себе», что может говорить о том, что при сниженном уровне самоотношения в обычных ситуациях ВДА успешно адаптируются к ситуациям затруднения и неопределенности, которые имели место в процессе взросления этих людей в семьях, отягощенных алкогольной зависимостью родителей. Так, Дж. Войтиц указывает, что для ВДА является затруднительным понятие нормы и именно ситуации нормального межличностного и социального взаимодействия могут вызывать у ВДА трудности, в то время как они хорошо ориентируются и могут проявлять заботу и доброжелательное отношение к себе в стрессовых и затруднительных обстоятельствах, привычных для них в детстве (Woititz, 1983). В то же время этот факт не был ранее подтвержден эмпирически.

Выявлено, что ВДА, по сравнению с не-ВДА, воспринимают окружающий мир как менее доброжелательный и благосклонный. Эта дезадаптивная черта связана со стрессогенной семейной атмосферой в детстве, негативным психологическим и физическим самочувствием ребенка в дисфункциональной семье, а также с неудачными попытками ребенка изменить семейную ситуацию, повлиять на употребление родителями алкоголя. Закономерными представляются полученные результаты по методике «Биографический опросник для диагностики нарушений поведения». Данные свидетельствуют о дисфункциональной атмосфере в семьях, в которых росли ВДА, неадекватном отношении семьи к аспектам окружающего мира и жизнедеятельности, деструктивном стиле воспитания в таких семьях. Обнаружены специфические черты ВДА на разных стадиях личностного развития. ВДА более зрелого возраста испытывают меньшее влияние негативного детского опыта, чем респонденты из группы 18–25 лет, однако сталкиваются с низкой самоуверенностью и самооценностью. При этом ВДА в возрасте 18–25 лет отличаются низкими показателями по шкале самоинтереса, в то время как возрастной нормой, согласно примененной периодизации, является проявление внимания к собственному духовному миру, мировоззрению, смысловой системе (Селиванов, 2018). В то же время показатели самоинтереса у респондентов 26–45 лет выравниваются с результатами группы сравнения, то есть потребность в самопознании начинает реализовываться у ВДА позже, чем у не-ВДА. Общим для исследуемых возрастных групп является сниженный уровень саморуководства.

Выявлены предикторы убеждения в ценности собственной личности у ВДА с низкой и высокой степенью вовлеченности в дезадаптивную ситуацию семьи со злоупотребляющими алкоголем родителями. Эти предикторы представлены глобальным самоотношением (в обеих группах), общностью с человечеством и силой Я (группа с низкой вовлеченностью), самокритикой и чрезмерной идентификацией (группа с высокой вовлеченностью), что подкрепляет полученные нами данные по Тесту-опроснику самоотношения и методике «Сочувствие к себе», согласно кото-

рым ВДА, в целом имеющие сниженный уровень самоотношения, хорошо адаптируются к ситуациям затруднений и неудач, свойственным для них в детстве, и могут находить психологические ресурсы в чрезмерной идентификации.

Выводы

1. Опыт взросления в семье, отягощенной родительским алкоголизмом, приводит к формированию у взрослых, выросших в таких семьях, нарушений системы самоотношения (глобальная самооценка, самоуважение, ожидаемое отношение от других, саморуководство, самоинтерес), искажению базисных убеждений (недоброжелательность мира, ощущение неудачливости), трудностям в межличностном и социальном взаимодействии.

2. Выявлена специфика самоотношения личности ВДА в различных возрастных группах. Более молодые ВДА (18–25 лет) сильнее переживают влияние семейной ситуации в детстве, менее заинтересованы в изучении собственной личности и самопознании и более склонны к соматизации, чем респонденты группы сравнения того же возраста. ВДА старше 25 лет ожидают негативного отношения к себе со стороны окружающих, чувствуют себя менее ценными, значимыми и менее уверенными в себе, чем не-ВДА того же возраста.

3. Наибольший вклад в формирование позитивного образа Я и чувства самоценности у ВДА с низкой степенью вовлеченности в дисфункциональную семейную ситуацию вносят высокий уровень интегральной самооценки, склонность воспринимать трудности и неудачи как неотъемлемый и обыденный аспект человеческого существования, самоуверенность и умение добиваться своего. В то же время вклад в формирование чувства собственной ценности у ВДА с высокой степенью вовлеченности в неблагоприятную семейную атмосферу вносят, помимо глобальной самооценки, умение относиться к себе и к своим недостаткам без осуждения, а также уверенность в себе.

4. Неожиданным результатом оказалось отсутствие различий между ВДА и не-ВДА по опроснику «Сочувствие к себе» и результат регрессионного анализа, согласно которому для ВДА, сильно вовлеченных в неблагоприятную семейную ситуацию в детстве, положительный образ Я связан с проявлением дезадаптивной стратегии погруженности в переживания в моменты огорчений и неудач. В связи с этим можно предположить, что особенностью ВДА является активизация психологических ресурсов личности и переживание позитивной самооценки и образа Я именно в ситуациях стресса и затруднения, похожих на те, что сопровождали их в процессе взросления и воспитания в семьях с родителями-алкоголиками.

Ограничения

К ограничениям данного исследования относятся формирование выборки с помощью социальных сетей, отсутствие подробных социодемографических данных о респондентах, а также неравномерное соотношение участников исследования по полу (34,7% женщин и 65,3% мужчин) и возрасту: при разбросе возрастов от 18 до 45 лет медианный возраст составил 22 года, что говорит о преобладании в выборке более молодых респондентов.

Литература

- Байкова М. А., Меринов А. В. Суицидологическая характеристика «Взрослых детей алкоголиков» // Академический журнал Западной Сибири. 2020. Т. 16, № 3 (86). С. 17–18.
- Гриднева С. В., Тащёва А. И. Своеобразие личности, общения в семье и самовосприятия у взрослых детей из алкогольных семей // Социально-психологические проблемы ментальности/ментальности. 2018. № 14. С. 23–31.
- Давыдова А. Б., Распопин В. В. Индивидуально-личностные особенности лиц, выросших в алкогольных семьях // Наукосфера. 2021. № 5-1. С. 124–131.
- Кузнецова И. Н. Опыт работы группы ВДА по теме «Самоуважение» // Проблемы педагогики. 2017. № 5 (28). С. 57–61.
- Кузнецова И. Н. Опыт работы со взрослыми детьми алкоголиков по теме «любящий родитель» // Проблемы педагогики. 2018. № 5 (37). С. 62–66.
- Литвинова В. В. Клинико-психологические особенности взрослых детей алкоголиков // Тюменский медицинский журнал. 2017. Т. 19, № 1. С. 33–36.
- Меринов А. В., Лукашук А. В., Филиппова М. Д. Распространенность химических аддикций у «взрослых детей алкоголиков» // Тюменский медицинский журнал. 2015. Т. 17, № 4. С. 21–24.
- Меринов А. В., Меденцева Т. А. Рождение в алкогольной семье как фактор формирования повышенной виктимности личности // Виктимология. 2016. № 3 (9). С. 29–32.
- Микелевич Е. Б. Специфика самосознания детей из алкогольных семей на этапе ранней взрослости // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: материалы Пятой международной научно-практической конференции, Пинск, 28–29 апреля 2011 года. Т. II. Пинск: Полесский государственный университет, 2011. С. 232–235.
- Москаленко В. Д. Наркологические, психопатологические нарушения, психологические проблемы в популяции взрослых сыновей и дочерей больших зависимостями // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2006. № 3 (42). С. 55–61.
- Москаленко В. Д. Эмоциональные особенности детей из дисфункциональных семей // Наркология. 2008. Т. 7, № 4 (76). С. 53–57.
- Москаленко В. Д. Роли выживания детей в алкогольных семьях // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 84–101.
- Москаленко В. Д. Роли выживания детей в алкогольных семьях // Вопросы наркологии. 2015. № 2. С. 48–61.
- Мясникова Н. А. Коммуникативные трудности взрослых детей алкоголиков // Всероссийские научные чтения — 2023: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 апреля 2023 года. Петрозаводск: Новая наука, 2023. С. 167–176.
- Нечин М. Ю. Влияние присутствия алкогольной зависимости у родителей на формирование химических зависимостей потомства // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2016. № 4 (9). С. 53–56.
- Падуи М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира: теория, эмпирия, практика. М.: Институт психологии РАН, 2012.
- Пантिलеев С. Р., Столин В. В. Тест-опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 123–130.
- Селиванов В. В. Онтогенетические стадии развития субъекта и проявления виктимности // Психология когнитивных процессов. 2018. № 7. С. 136–145.
- Солнцева Н. В. Ценностно-смысловая организация картины мира личности выходцев из семей с алкогольной зависимостью: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2005.
- Тащёва А. И., Гриднева С. В. Новая интерпретация результатов CAST — теста для исследования взрослых детей из алкогольных семей // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 5 (78). С. 74–80.
- Тащёва А. И., Зелинская С. Ю. Эмпирическое исследование своеобразия психологических особенностей взрослых сыновей из алкогольных семей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № S17. С. 62–65.
- Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2004.
- Чистопольская К. А., Осин Е. Н., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Мысина Г. А., Дровосеков С. Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16, № 4. С. 35–48. <https://doi.org/10.17759/chrp.2020160404>

- Яшечкина Н. Н. Связь наличия алкогольной зависимости у родителей с аддиктивными расстройствами потомства // Научный форум. Сибирь. 2017. Т. 3, № 1. С. 77–78.
- ACA World Service Organization // Early History of ACA. Torrance: ACA WSO, 1992.
- Alterman A. I., Searles J. S., Hall J. G. Failure to find differences in drinking behavior as a function of familial risk for alcoholism: a replication. // Journal of Abnormal Psychology. 1989. Vol. 98, no. 1. P. 50–53. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.98.1.50>
- Fisher G. L., Jenkins S. J., Harrison T. C. Jr., Jesch K. Personality characteristics of adult children of alcoholics, other adults from dysfunctional families, and adults from nondysfunctional families // The International Journal of the Addictions. 1993. Vol. 28, no. 5. P. 477–485. <https://doi.org/10.3109/10826089309039642>
- Hall C. W., Webster R. E. Traumatic symptomatology characteristics of adult children of alcoholics // Journal of Drug Education. 2002. Vol. 32, no. 3. P. 195–211. <https://doi.org/10.2190/U29W-LF3W-748L-A48M>
- Haugland S. H., Carvalho B., Stea T. H., Strandheim A., Vederhus J. K. Associations between parental alcohol problems in childhood and adversities during childhood and later adulthood: a cross-sectional study of 28047 adults from the general population // Substance Abuse Treatment, Prevention, and Policy. 2021. Vol. 16, no. 1. Art. no. 47. <https://doi.org/10.1186/s13011-021-00384-9>
- Hebbani S., Ruben J. P., Selvam S., Krishnamachari S. A study of resilience among young adult children of alcoholics in Southern India // Journal of Addictive Diseases. 2020. Vol. 38, no. 3. P. 339–347. <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1765716>
- Hee Kyung K. Process of building resilience in adult children of alcoholics: A grounded theory approach // Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services. 2023. Vol. 61, no. 9. P. 31–39. <https://doi.org/10.3928/02793695-20230320-01>
- Margasiński A. Psychological roles of young adults growing up in alcoholic and non-alcoholic families measured by Family Roles Questionnaire // Alcoholism and Drug Addiction. 2017. No. 30. P. 13–40. <https://doi.org/10.5114/ain.2017.68442>
- Ossola P., Gerra M. C., Gerra M. L., Milano G., Zatti M., Zavan V., Di Gennaro C. Alcohol use disorders among adult children of alcoholics (ACOAs): gene-environment resilience factors // Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry. 2021. Vol. 108. Art. no. 110167. <https://doi.org/10.1016/j.pnpbp.2020.110167>
- Seefeldt R., Lyon M. Personality characteristics of adult children of alcoholics // Journal of Counseling and Development. 1992. Vol. 70, no. 5. P. 588–594. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1992.tb01666.x>
- Silvén Hagström A., Forinder U. 'If I whistled in her ear she'd wake up': children's narration about their experiences of growing up in alcoholic families // Journal of Family Studies. 2022. Vol. 28, no. 1. P. 216–238. <https://doi.org/10.1080/13229400.2019.1699849>
- Simonič B., Osewska E. W. Emotional experience and consequences of growing up in a family with alcoholism in adult children of alcoholics // The Person and the Challenges: The Journal of Theology, Education, Canon Law and Social Studies Inspired by Pope John Paul II. 2023. Vol. 13, no. 1. P. 63–81. <http://dx.doi.org/10.15633/pch.13105>
- Woititz J. Adult Children of Alcoholics. Hollywood: HCI, Health Communications, 1983.
- Zucker R., Wong M., Puttler L., Fitzgerald H. Resilience and vulnerability among sons of alcoholics: Relationship to developmental outcomes between early childhood and adolescence // Luthar S. (ed.). Resilience and Vulnerability: Adaptation in the Context of Childhood Adversities. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 76–103. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615788.006>

Статья поступила в редакцию 12 января 2024 г.;
рекомендована к печати 25 июля 2024 г.

Контактная информация:

Шукина Мария Алексеевна — д-р психол. наук; <https://orcid.org/0000-0002-0834-3548>,
corr5@mail.ru
Белов Артем Андреевич — магистр психологии; temabelov@gmail.com

Psychological peculiarities of self-worth certainty in adults raised in families with parental alcoholism

M. A. Shchukina^{1a}, A. A. Belov²

¹ Institute of Medical Education of Almazov National Medical Research Centre,
2, ul. Akkuratova, St. Petersburg, 197341, Russian Federation

² St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,
13, 12-ya liniya V.O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation

For citation: Shchukina M. A., Belov A. A. Psychological peculiarities of self-worth certainty in adults raised in families with parental alcoholism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, issue 4, pp. 713–730. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.409> (In Russian)

Studies on adult children of alcoholics (ACoA) are well represented in foreign publications, but the psychological specificity of this group remains controversial. In domestic studies, ACoA receive insufficient attention. Special attention should be paid to the study of self-attitude and self-value of adults raised in alcoholic families. Respondents ($N=170$) were divided into subsamples using the CAST test, adapted by A. I. Tascheva and S. V. Gridneva. The ACoA group consisted of 89 respondents (52.4%, 33 women, mean age 23.44 ± 5.53 years), and the comparison group — 81 respondents (47.6%, 26 women, mean age 24.75 ± 7.46 years). The Biographical Questionnaire for the Diagnosis of Behavioral Disorders was used to collect data on the family situation. Self-value and self-attitude were assessed using the Scale of Self-Attitude (Pantileev, Stolin), the Basic Beliefs Scale (Padun, Kotelnikova), and K. Neff's Self-Compassion questionnaire (adapted by K. A. Chistopolskaya et al.). Maladaptive traits in self-attitude and self-value were identified in adults raised in alcoholic families. More pronounced experiences of family influence during childhood were found in respondents between the ages of 18 and 25. Regression analysis showed that non-judgment of one's own shortcomings and the perception of difficulties as normal aspects of human existence help ACoA to value themselves despite a dysfunctional childhood. The results are compared with previous studies and may be useful in psychocorrectional work with ACoA. Limitations include an uneven gender ratio, a preponderance of respondents in early adulthood, sampling from social networks, and a lack of detailed sociodemographic data.

Keywords: adult children of alcoholics, self-worth, self-esteem, self-attitude, co-dependency, core beliefs, self-compassion.

References

- ACA World Service Organization. (1992). *Early History of ACA*. Torrance, ACA WSO.
- Alterman, A. I., Searles, J. S., Hall, J. G. (1989). Failure to find differences in drinking behavior as a function of familial risk for alcoholism: a replication. *Journal of Abnormal Psychology*, 98 (1), 50–53. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.98.1.50>
- Baykova, M. A., Merinov, A. V. (2020). Suicidological characteristics of "Adult Children of Alcoholics". *Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri*, 3 (86), 17–18. (In Russian)
- Chiker, V. A. (2006). *Psychological diagnostics for organizations and personnel*. St. Petersburg, Rech Publ. (In Russian)
- Chistopolskaya, K. A., Osin, E. N., Yenikolopov, S. N., Nikolayev, E. L., Mysina, G. A., Drovosekov, S. E. (2020). The concept of self-compassion: a Russian adaptation of the scale by Kristin Neff. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 16 (4), 35–48. <https://doi.org/10.17759/chp.2020160404> (In Russian)
- Davydova, A. B., Raspopin, V. V. (2021). Individual-personal characteristics of persons who grew up in alcoholic families. *Naukosfera*, 5 (1), 124–131. (In Russian)

^a Author for correspondence.

- Fisher, G. L., Jenkins, S. J., Harrison, T. C., Jr, Jesch, K. (1993). Personality characteristics of adult children of alcoholics, other adults from dysfunctional families, and adults from nondysfunctional families. *The International Journal of the Addictions*, 28 (5), 477–485. <https://doi.org/10.3109/10826089309039642>
- Gridneva, S. V., Tashcheva, A. I. (2018). Uniqueness of personality, family communication, and self-perception in adult children from alcoholic families. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mental'nosti/mentaliteta*, 14, 23–31. (In Russian)
- Hall, C. W., Webster, R. E. (2002). Traumatic symptomatology characteristics of adult children of alcoholics. *Journal of Drug Education*, 32 (3), 195–211. <https://doi.org/10.2190/U29W-LF3W-748L-A48M>
- Haugland, S. H., Carvalho, B., Stea, T. H., Strandheim, A., Vederhus, J. K. (2021). Associations between parental alcohol problems in childhood and adversities during childhood and later adulthood: A cross-sectional study of 28047 adults from the general population. *Substance Abuse Treatment, Prevention, and Policy*, 16 (1), 47. <https://doi.org/10.1186/s13011-021-00384-9>
- Hebbani, S., Ruben, J. P., Selvam, S., Krishnamachari, S. (2020). A study of resilience among young adult children of alcoholics in Southern India. *Journal of Addictive Diseases*, 38 (3), 339–347. <https://doi.org/10.1080/10550887.2020.1765716>
- Hee Kyung, K. (2023). Process of building resilience in adult children of alcoholics: A grounded theory approach. *Journal of Psychosocial Nursing and Mental Health Services*, 61 (9), 31–39. <https://doi.org/10.3928/02793695-20230320-01>
- Kuznetsova, I. N. (2017). Experience of working with the ACoA group on “Self-esteem”. *Problemy pedagogiki*, 5 (28), 57–61. (In Russian)
- Kuznetsova, I. N. (2018). Experience of working with adult children of alcoholics on “The Loving Parent”. *Problemy pedagogiki*, 5 (37), 62–66. (In Russian)
- Litvinova, V. V. (2017). Clinical and psychological characteristics of adult children of alcoholics. *Tiumenskii meditsinskii zhurnal*, 19 (1), 33–36. (In Russian)
- Margasiński, A. (2017). Psychological roles of young adults growing up in alcoholic and non-alcoholic families measured by Family Roles Questionnaire. *Alcoholism and Drug Addiction*, 30, 13–40. <https://doi.org/10.5114/ain.2017.68442>
- Merinov, A. V., Lukashuk, A. V., Filippova, M. D. (2015). Prevalence of chemical addictions in “Adult Children of Alcoholics”. *Tiumenskii meditsinskii zhurnal*, 17 (4), 21–25. (In Russian)
- Merinov, A. V., Medentseva, T. A. (2016). Birth into an alcoholic family as a factor in the formation of increased victimization of the individual. *Viktimologiya*, 3 (9), 29–32. (In Russian)
- Mikelevich, E. B. (2011). Specificity of self-consciousness of children from alcoholic families at the stage of early adulthood. In: *Ustoichivoe razvitie ekonomiki: sostoianie, problemy, perspektivy: materialy Piatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Pinsk, 28–29 apreliia 2011 goda. Vol. II.* (pp. 232–235). Pinsk, Polessky University Press. (In Russian)
- Moskalenko, V. D. (2006). Drug abuse, psychopathologic disorders, and psychological problems in a population of adult sons and daughters of addicts. *Sibirskii vestnik psikhologii i narkologii*, 3 (42), 55–61. (In Russian)
- Moskalenko, V. D. (2008). Emotional characteristics of children from dysfunctional families. *Narkologiya*, 4 (76), 53–57. (In Russian)
- Moskalenko, V. D. (2014). Survival roles of children in alcoholic families. *Voprosy narkologii*, 5, 84–101. (In Russian)
- Moskalenko, V. D. (2015). Survival roles of children in alcoholic families. *Voprosy narkologii*, 2, 48–61. (In Russian)
- Myasnikova, N. A. (2023). Communicative difficulties of adult children of alcoholics. In: *Vserossiiskie nauchnye chteniia — 2023: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Petrozavodsk, 11 apreliia 2023 goda* (pp.167–176). Petrozavodsk, Novaya Nauka Publ. (In Russian)
- Nechin, M. Yu. (2016). The influence of the presence of parental alcohol dependence on the formation of chemical dependencies in offspring. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii*, 4, 53–56. (In Russian)
- Ossola, P., Gerra, M. C., Gerra, M. L., Milano, G., Zatti, M., Zavan, V., Di Gennaro, C. (2021). Alcohol use disorders among adult children of alcoholics (ACoAs): Gene-environment resilience factors. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 108, 110167. <https://doi.org/10.1016/j.pnpbbp.2020.110167>
- Padun, M. A., Kotelnikova, A. V. (2012). *Mental trauma and worldviews: Theory, empiricism, and practice*. Moscow, Institute of Psychology RAS Press. (In Russian)

- Pantilev, S. R., Stolin, V. V. (1988). Self-attitude test-questionnaire. In: *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnosticheskie materialy* (pp. 123–130). Moscow, Moscow University Press.
- Seefeldt, R., Lyon, M. (1992). Personality characteristics of adult children of alcoholics. *Journal of Counseling & Development*, 70 (5), 588–594. <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1992.tb01666.x>
- Selivanov, V. V. (2018) Ontogenetic stages of subject development and manifestations of victimhood. *Psikhologiya kognitivnykh protsessov*, 7, 136–145. (In Russian)
- Silvén Hagström, A., Forinder, U. (2022). ‘If I whistled in her ear she’d wake up’: children’s narration about their experiences of growing up in alcoholic families. *Journal of Family Studies*, 28 (1), 216–238. <https://doi.org/10.1080/13229400.2019.1699849>
- Simonič, B., Osewska, E. W. (2023). Emotional experience and consequences of growing up in a family with alcoholism in adult children of alcoholics. *The Person and the Challenges: The Journal of Theology, Education, Canon Law and Social Studies Inspired by Pope John Paul II*, 13 (1), 63–81. <http://dx.doi.org/10.15633/pch.13105>
- Solntseva, N. V. (2005). *The value organization of worldviews in personalities of people from families with alcohol dependence*. PhD dissertation (Psychology). St. Petersburg. (In Russian)
- Tashcheva, A. I., Gridneva, S. V. (2014). A new interpretation of CAST results, a test for the study of adult children from alcoholic families. *Gumanitarnye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki*, 5 (78), 74–80. (In Russian)
- Tashcheva, A. I., Zelinskaya, S. Yu. (2006). An empirical study of the specificity of psychological characteristics in adult sons from alcoholic families. *Izvestia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, S17, 62–65. (In Russian)
- Woititz, J. (1983). *Adult Children of Alcoholics*. Hollywood, HCI, Health Communications.
- Yashechkina, N. N. (2017). The association of parental alcohol dependence with addictive disorders in their offspring. *Nauchnyi forum. Sibir*, 3 (1), 77–78. (In Russian)
- Zucker, R., Wong, M., Puttler, L., Fitzgerald, H. (2003). Resilience and vulnerability among sons of alcoholics: Relationship to developmental outcomes between early childhood and adolescence. In: S. Luthar (ed.). *Resilience and Vulnerability: Adaptation in the Context of Childhood Adversities* (pp. 76–103). Cambridge, Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615788.006>

Received: January 12, 2024

Accepted: July 25, 2024

Authors’ information:

Maria A. Shchukina — Dr. Sci. in Psychology; <https://orcid.org/0000-0002-0834-3548>, corr5@mail.ru
 Artem A. Belov — Master in Psychology; temabelov@gmail.com